

жет служить что-нибудь более разительным подтверждением полнейшего исчезновения Афин с исторического горизонта, как тот факт, что потребовалось приискивать особые доказательства ради выяснения того только, что достославнейший город по преимуществу исторической страны вообще влачил еще тогда существование. Поток исторических мнений об Афинах иссякает надолго или струится столь же скудно, как воды Иллиса в его скалистом ложе. Со времени Дексиппа не нашлось ни единого афинянина, ни грека, который счел бы за достойное труда оставить потомству известия о тогдашнем состоянии отчизны Солона и Перикла, или же, надо допустить, что летописные их повествования до нас не дошли. Впрочем, в те столетия вообще летописи у византийцев велись в высшей степени скудно и неудовлетворительно. Сами Афины пали до значения ничтожного, укромного уголка Греции, удаленного от шумной сцены, где разыгрывались придунайские побоища между народами, и от Босфора. Единственное, что могло бы сколько-нибудь сохранить значение за Афинами в сознании образованных людей, это — прославленное имя города, его великие воспоминания и чудные памятники, если бы в эпохи варварства самое разумение истинного значения памятников прошлого порой не угасало, порой же не затемнялось глубоко.

Город Афины давал византийским летописцам лишь редкие поводы хотя бы вскользь касаться его дел. То же, впрочем, можно заметить относительно всей страны эллинов вообще. Греческие императоры были непрестанно озабочены тем, как бы отражать от константинопольских стен аваров и болгар, славянов, гуннов и сарацин. В то время когда не только Македония превратилась в славянскую страну, но и Элладу и Пелопоннес нередко пересекали полчища варваров, которые отчасти их и заселили, порубежные провинции, конечно, могли рассматриваться за как бы уже почти отсеченные от государственного организма части. Начиная с VII столетия Греция настолько становится безразличной для истории, что имена итальянских городов вроде Равенны, Беневента, Капуи,